

И. В. ГЁТЕ И ТРАДИЦИЯ НЕМЕЦКОГО МОРАЛИСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА

Исследуется идейно-художественное содержание моралистических рассказов И. В. Гёте из цикла «Разговоры немецких беженцев»: «История о проступке Фердинанда и его исправлении» и «История прокуратора». Отталкиваясь от представленной на страницах рамочного повествования поэтологической рефлексии малой прозы, автор выделяет ключевые признаки различных жанровых модификаций рассказа конца XVIII в. Раскрывается характер жанровой трансформации средневековой новеллы в моралистический рассказ, популярный в эпоху Просвещения. Его отличительные особенности – моральный ригоризм, дидактическая направленность, унификация человеческой природы – являются предметом иронической насмешки писателя в рамках художественного целого произведения.

The artistic merit, and the ideological content of the moral tales by Goethe from the «Conversations of German Refugees» cycle, namely, «The Tale of Ferdinand's Fault and Amendment», and «The Procurator's Tale» are analyzed. The interpretation of the short prose poetics found in the frame narrative is studied. The key features of different genre modifications of the late XVIII century short story are defined. The character of the genre transformation from mediaeval novella to moral tale, popular in the age of Enlightenment, is detected. The discriminants of the moral tale (moral rigorism, didacticism, moral unification of the human nature) are ridiculed by Goethe throughout the text.

Интерес Гёте к изобразительным возможностям повествовательной прозы особенно заметно проявляется в сочинениях писателя послереволюционного периода. Конец XVIII – начало XIX в. – время коренных изменений представлений о человеке. На смену идеальному этическому пространству раннего Просвещения с четко разграниченными между собой категориями добра и зла приходит осознание амбивалентности их природы. Коренные изменения концепции человеческой личности приводят к существенной трансформации внутри жанровой системы рассказа: распространенный в период раннего Просвещения жанр моралистического рассказа утрачивает свою актуальность и уступает место набирающему популярность жанру новеллы. Особая роль в этом процессе принадлежит творчеству И. В. Гёте, вариативные возможности малой прозы которого охватывают широкий спектр жанровых модификаций.

Обозначить специфику мировоззренческой позиции каждой группы вставных рассказов «Разговоров немецких беженцев» (1795) автор пытается уже на уровне сюжетной организации рамочного повествования. Структурная целостность излагаемых событий, реалистичность материала, максимально ограниченные в количественном отношении система персонажей и событийный ряд – все эти условия, формулируемые баронессой, одинаково актуальны для каждой из жанровых модификаций рассказа, выносимых на суд слушателей членами дружеского кружка. При всем при этом баронесса, выступившая инициатором организации *одушевляющих бесед* (Гёте 1978, 133), все же не присутствует при рассказывании историй первого дня, так как именно эта группа рассказов не соответствует всем условиям, подробно ею изложенным в беседе со священником. Ключевое значение здесь имеет замечание героини о явном предпочтении в пользу тех историй, в которых *люди являются нам такими, какими мы хотели бы их видеть* (Там же, 157). Речь соответственно идет не столько об историях, что *на какие-то мгновения открывают нам человеческую натуру и ее сокровенные глубины* (Там же, 136), сколько о рассказах, проецирующих наши желания, изображающих человека таким, каким нам бы его хотелось видеть. Не случайно, выслушав замечание баронессы, священник отказывается от своего первоначального замысла и рассказывает совсем иную историю, чем та, *которую он было наметил* (Там же, 157).

Тревоги и лишения военного времени нарушают привычный образ жизни некоего знатного семейства, вынуждая его покинуть собственные имения. Неоднозначный характер событий, происходящих во Франции, становится причиной бурных разногласий членов дружеского кружка. Требование баронессы о запрещении всяких разговоров на злобу дня – попытка восстановления нарушенного мира и согласия. Для достижения желаемой гармонии достаточно лишь соответствующего волевого усилия, считает героиня, и потому отдает предпочтение моралистическим рассказам, в основе бытийной модели которых лежит ситуация этического выбора. Правомерность подобной жизненной установки Гёте ставит под сомнение как в ироническом тоне заключительной части «Истории о Фердинанде и Оттилии», так и в сознательном нарушении требований баронессы к рассказам, призванным показать, *что мы находимся в хорошем обществе* (Гёте 1978, 157).

Типичная для Гёте-прозаика дискретная манера изложения материала вступает в явное противоречие с замечанием главной героини рамочного повествования о том, что ей *не доставляют никакого удовольствия рассказы, где, по образцу «Тысячи и одной ночи», одно событие вплетается в другое* (Там же), а рассказчик сознательно прерывает свое повествование. Гёте публикует «Разговоры немецких беженцев» в журнале Шиллера «Оры» («Норен») частями. О сознательном противопоставлении своей манеры изложения материала требованиям *хорошего общества* говорит письмо Гёте к Шиллеру от 02.12.1794 г.: *Надеюсь, мне удастся предоставить рассказ для второго номера*

журнала, да і, вообща, я падумываю арганізаваць усё такім образом, як гэта дэлава расказчыца из «Тысячи и одной ночи» (Goethe 1998, 208). Более того, изначально автор намеревался разбить на две части и завершающую «Разговоры» «Сказку» (см. Mommsen 1983, 277), подобно тому, как он делал это во вставных рассказах «Годов странствий Вильгельма Мейстера» («Пятидесятилетний мужчина», «Смуглолицая девушка» и др.). Именно в заключительной части «Истории о проступке Фердинанда и его исправлении» обнаруживается авторская ирония относительно эффективности предлагаемого баронессой нравственного совершенствования с помощью внутреннего самоограничения. Предлагаемая в обоих рассказах идея волевой морали вдруг обнаруживает свою иллюзорность и враждебность по отношению к полноте жизни.

Рассказ о Фердинанде был опубликован Гёте в седьмом номере журнала «Оры» и обрывался как раз в том месте, когда раскаявшийся в содеянном и исправившийся Фердинанд с нетерпением ожидал возвращения Оттилии. На этом моралистический рассказ в том значении, как его понимала баронесса, был завершён. Внутреннее преображение главного героя состоялось. Последовавшее по настоянию Луизы продолжение рассказа о дальнейшей судьбе героя было напечатано лишь в следующем номере журнала. Возникшая цезура усиливала эффект неожиданности от соотношения художественного мира моралистического рассказа с миром реальной действительности и вносила существенные коррективы в интерпретационные возможности идейной направленности предложенной истории. Заявленная в качестве универсальной формулы любого морального рассказа идея показать нам, что человек способен поступать вопреки своему влечению, когда он видит перед собой высокую цель (Гёте 1978, 173), приобретает в образе ставшего отцом многочисленного семейства Фердинанда черты карикатурности (Bräutigam 1977, 534). Не четко продуманная воспитательная система лежит в основе практикуемых зрелым мужем периодических отказов себе и своим близким в том, что могло бы доставить им удовольствие, а внезапно охватывавшее его желание доказать самому себе, что он еще не разучился применять столь высокую добродетель (Гёте 1978, 190). Импульсивную природу подобных педагогических штудий красноречиво подчеркивает глагол *einfallen* 'приходить в голову' (Goethe 1998 [a], 207), а сомнительный эффект имевших место попыток привить детям *обет послушания* обнаруживается на царящих в доме и чередующихся *послушании* и *непослушании* (Гёте 1978, 191).

Поведенческая стратегия главных действующих лиц моралистических рассказов роднит их с самой баронессой. Главным условием внутреннего перерождения героев, их победы над «темной» стороной собственной души становится устранение, нейтрализация непосредственного источника неподконтрольных страстей и желаний. Оттилия, увлеченность которой сыграла в проступке Фердинанда роль своеобразного катализатора, *должна была на несколько месяцев уехать к родителям* (Там же, 180), и лишь после ее отъезда Фердинанд начинает постепенно приходить к осознанию собственной вины. Повторная встреча с обольстительной красавицей становится очередным вызовом только что вступившему на путь добродетели герою.

Характерно, что образ *доброй, простой девушки* (Там же, 190), ставшей женой Фердинанда, единственный во всех вставных рассказах лишен каких-либо черт эротической привлекательности: *То была статная молодая девушка, здоровая и во всех отношениях приятная. Ведение хозяйства в доме дядюшки заставляло ее неизменно быть проворной и деятельной, а заботы о его здоровье – мягкой и услужливой* (Там же, 182–183). Оформляющая мир деятельность героини, требующая от нее постоянной готовности соотносить собственные желания с потребностями окружающих ее людей, хоть и делает ее совершенной женой, *мягкой и услужливой*, однако лишает ареала индивидуальности и женской притягательности, апеллирующего к чувствам, а не к разуму. Чувственной природе симпатий героя по отношению к *красивой, очаровательной, обольстительной, служащей украшением любому собранию* Оттилии автор противопоставляет принципиально иной, рациональный подход в отношениях будущих супругов. Если Оттилия *волновала его чувственность и его душу, льстила его тщеславию и самым светлым его надеждам* (Там же, 176), то, узнав поближе *славную деревенскую девушку, Фердинанд научился ее ценить и стал ей выказывать подобающее уважение* (Там же, 183). Вычеркнув из своей жизни чувственную составляющую бытия, главный герой рассказа словно отгораживается от того непостижимого нечто, что присутствовало в его душе с самого рождения (*люди, имевшие с ним дело, не могли объяснить его поступки иначе, как прибегнув к предположению, что у этого молодого человека как бы две души* (Там же, 174)).

Подобную тактику борьбы с ускользающими от контроля разума бессознательными влечениями «демонической» составляющей человеческой природы священник предлагает своим слушателям

¹ Здесь и далее при ссылках на немецкие источники перевод автора. – Л. С.

и в первой истории второго дня, *прежде многих других заслуживающей название морального рассказа* (Гёте 1978, 172), – «Истории о прокураторе». Молодой правовец принимает на себя роль нравственного наставника оставшейся на долгое время без мужа молодой женщины и помогает ей избавиться от завладевших ею сексуальных влечений, призвав разделить с ним в течение месяца обет воздержания. Доведенная до состояния крайнего истощения молодая женщина, не будучи в состоянии даже передвигаться и *последние дни искусства* не покидавшая постель, приходит к осознанию того, что, кроме *плотского влечения, в нас есть еще нечто, могущее создать ему противовес; что мы способны отречься от любого привычного нам блага и даже противоборствовать самым пылким своим желаниям* (Там же). Патетическое обращение героини к молодому прокуратору противоречиво по своей сути: заявляя о присутствующей в каждом из нас силе, могущей создать противовес нашим плотским влечениям, героиня словно забывает, что основной первопричиной ее отказа от всех привычных благ и желаний как раз и стало желание максимально приблизить момент чувственного наслаждения. Умерщвление плоти, манифестируемое в образе героини рассказа, оказывается единственно действенным средством сохранения ее добродетели. Но, отказавшись от своего естества, красавица-жена утрачивает и часть себя, часть своей индивидуальности, превратившись в подобие мумии, укутанной, несмотря на теплое время года, в два, три слоя одежды, чтобы хоть как-то сохранить ее почти полностью исчезнувшее внутреннее тепло.

Мотив болезненного угасания героя возникает на страницах «Истории о прокураторе» дважды: в начале и конце рассказа. В первом случае речь идет о болезненном состоянии мужа красавицы, купца, стоящего перед нелегким выбором между долгом отца семейства, голосом рассудка и внезапно охватившей его прежней страстью к путешествиям. И оттого, что *он некоторое время терзал себя подобными мыслями и сомнениями*, состояние его *до крайности ухудшилось* (Там же, 161). Только готовность героя *ради сохранения собственной жизни рискнуть тем, что считается самым дорогим сокровищем женщины* (Там же), дарует ему выздоровление: и физическое, и моральное. А вот репрессивная воспитательная политика прокуратора, наоборот, приводит героиню к высшей точке саморазрушения.

В основу «Истории о прокураторе» Гёте положил заключительную историю французского сборника XV в. «Сто новых новелл» («Cent nouvelles nouvelles»), несколько переработав и дополнив его рядом принципиальных моментов, обусловивших возможность перемещения ценностной картины мира от новеллистического полюса в сторону моралистического. Особенно четко эта установка дает о себе знать в заключительном эпизоде рассказа, выводящем происходящее за узкие рамки единичного случая и постулирующем вытекающие из него выводы в качестве незыблемых универсальных истин: *влиять на своих сограждан, как повлияли на меня* – патетически восклицает красавица в финальной сцене рассказа – показав согражданам, *мягкими наставлениями и примером, что в каждом человеке затаенно живет тяга к добродетели* (Там же, 172).

Предпринятые Гёте семантические сдвиги в художественном целом новеллы, приведшие к значительным трансформациям ее составных элементов, затронули преимущественно образ молодого ученого, возведенного автором в чин прокуратора. Для новеллы исключительно важное значение имели прежде всего ум, мудрость и образованность молодого человека. Источник восстановления состояния неравновесия, возникшего вследствие долгого отсутствия мужа, был сконцентрирован непосредственно в образе находчивого молодого человека, сумевшего быстро и верно отыскать причину любовного томления красавицы и способ разрешения возникшего дисбаланса. Прием, оказанный ученому в доме купца, хоть и удивил молодого человека, однако своего смущения он не выдал и остался таким же спокойным и рассудочным, как и прежде. Совсем иную реакцию наблюдаем у Гёте: его прокуратор на некоторые мгновения словно попадает под чары красавицы, оказываясь во власти эмоций, о чем свидетельствует и его *многообещающий взгляд* (Там же, 167), и смена тональности речи, эмоциональность движений: *Будьте уверены, – вскричал он, целуя ей руку, – что вы не могли бы сыскать себе слугу более преданного, нежного, верного и молчаливого!* (Там же, 168). Нелегкий путь подавления в себе «демонического начала», составляющий идейное содержание всего моралистического рассказа, молодой правовец преодолевает в своей душе за несколько минут, что и дает ему право, как человеку, на собственном опыте познавшему светлые и темные стороны человеческой природы, служить примером для других.

Сопоставительный анализ гётевского текста с текстом первоисточника, проведенный Теодором Циолковским (см. Ziolkowski 1958, 68), показал, что наиболее значимые изменения были сделаны автором в тех частях рассказа, где он со скрупулезностью психолога описывает процесс освобождения и дальнейшей экспансии неподконтрольных человеческому рассудку страстей (речь в первую очередь идет о промежутке времени, прошедшем от отъезда купца и до первой беседы с прокуратором). Введение в повествовательную канву рассказа дополнительных внутренних монологов,

неоднократно прерывающих сообщение всезнающего повествователя, позволило, с одной стороны, воссоздать внутреннюю логику поступков героини, еще недавно искренне верившей в собственную добродетельность, а с другой – представляло собой тактический ход иронического разоблачения возможностей человеческого разума, способного логически верно обосновать любое удобное для него решение. Акцент, таким образом, смещается не столько в сторону того, удастся ли молодому правоведа удержать красавицу от плотских наслаждений, сколько в раскрытие самого механизма высвобождения заложенных в человеческой природе сил первородного хаоса и рассмотрение вопроса о возможности контролирования последних.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного нами сопоставительного анализа идейно-художественного содержания рассказов второго дня повествовательного цикла И. В. Гёте «Разговоры немецких беженцев», можно говорить о ключевых позициях следующих трех жанровых признаков моралистического рассказа конца XVIII в.: морального ригоризма, дидактической направленности и унификации человеческой природы. Приближение художественного мира моралистического рассказа к зоне максимального контакта с *непрерывно становящейся действительностью* (Бахтин 1975, 447–483) Гёте осуществляет с опорой на стилистический прием иронической насмешки, позволяющий обнаружить наиболее уязвимые места традиционных представлений о человеке и мире. Ироническая позиция автора в отношении мировоззренческих установок, лежащих в основе моралистического рассказа, позволяет сделать вывод о сознательной авторской стилизации этой популярной в эпоху Просвещения жанровой разновидности повествовательной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопр. лит. и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 447–483.
- Гёте И. В. Разговоры немецких беженцев // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6 / Пер. с нем. С. Шлапоберской. М., 1978.
- Bräutigam B. Die ästhetische Erziehung der deutschen Ausgewanderten // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1977. № 96. S. 508–539.
- Goethe J. W. An Friedrich Schiller // Briefe, Tagebücher, Gespräche / Eingerichtet von Mathias Bertram (Digitale Bibliothek) [Электронный ресурс]: собрание текстов. Электрон. дан. (16 Мб). Berlin.: Directmedia, 1998. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Goethe J. W. Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bd. München, 1998 [a]. Bd. 6: Romane und Novellen I. S. 125–241.
- Mommsen K. Nachwort // Johann Wolfgang Goethe. Novellen. Frankfurt a. M., 1983. S. 267–293.
- Ziolkowski Th. Goethes «Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten»: A Reappraisal // Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur. 1958. № 50. P. 57–74.

Поступила в редакцию 18.04.12.

Людмила Ивановна Семчёнок – аспирантка кафедры мировой литературы и культурологии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Гугнин.

О. А. ВЕЛЮГО

ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА НОВОГО ТИПА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА

Рассматривается постмодернистское переосмысление романтической и сократической традиций любовного дискурса в творчестве современного британского писателя Джулиана Барнса. Показано, что специфика любовного дискурса нового типа состоит в пародировании и ироническом снижении идеала романтической любви. Раскрыта гуманистическая аксиологическая значимость любви в современном любовном дискурсе.

The given article dwells upon the postmodern reconsideration of the romantic and Socratic traditions of love discourse in the fiction of Julian Barnes, a contemporary British writer. The peculiarities of love discourse of a new type consist in parody and irony regarding the ideal of romantic love. The humanistic value of love in contemporary love discourse is revealed.

Начало литературоведческому исследованию любовного дискурса было положено Р. Бартом и Ю. Кристевой. С тех пор любовный дискурс является предметом многочисленных междисциплинарных исследований в Западной Европе и с некоторым отставанием – на постсоветском пространстве. К настоящему времени создана значительная теоретическая база, представленная новейшими исследованиями русскоязычных социологов (Е. Турутина, И. Кон), психологов (О. Лаврова), лингвистов (Т. Ренц, М. Ползунова, Е. Матвеева, М. Эпштейн), культурологов и философов (Е. Шапинская, А. Грякалов, А. Руденко). Многие из этих работ выполнены на материале художественной литературы, однако сугубо литературоведческие исследования до сих пор не приобрели систематического характера, который имеет место на Западе.

С литературоведческой точки зрения под дискурсом любви мы имеем в виду в узком смысле развертывание речи влюбленного (в понимании Р. Барта (см. Барт 1999)) с позиции персонажей или